

Иван Тургенев

Жид

Иван Сергеевич Тургенев

Жид

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2982085*

Аннотация

«...Расскажите-ка вы нам что-нибудь, полковник, – сказали мы наконец Николаю Ильичу.

Полковник улыбнулся, пропустил струю табачного дыма сквозь усы, провел рукою по седым волосам, посмотрел на нас и задумался. Мы все чрезвычайно любили и уважали Николая Ильича за его доброту, здравый смысл и снисходительность к нашей братье молодежи. Он был высокого роста, плечист и дороден; его смуглое лицо, «одно из славных русских лиц»[1], прямодушный, умный взгляд, кроткая улыбка, мужественный и звучный голос – всё в нем нравилось и привлекало...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Комментарии

Иван Сергеевич Тургенев

Жид

...Расскажите-ка вы нам что-нибудь, полковник, – сказали мы наконец Николаю Ильичу.

Полковник улыбнулся, пропустил струю табачного дыма сквозь усы, провел рукою по седым волосам, посмотрел на нас и задумался. Мы все чрезвычайно любили и уважали Николая Ильича за его доброту, здравый смысл и снисходительность к нашей братье молодежи. Он был высокого роста, плечист и дороден; его смуглое лицо, «одно из славных русских лиц»¹, прямодушный, умный взгляд, кроткая улыбка, мужественный и звучный голос – всё в нем нравилось и привлекало.

– Ну, слушайте ж, – начал он. – Дело было в тринадцатом году, под Данцигом.^[1] Я служил тогда в Е-м кирасирском полку и, помнится, только что был произведен в корнеты. Веселое занятие – сраженья, и походы – хорошая вещь, но в осадном корпусе очень скучно было. Сидишь себе, бывало, целый божий день в каком-нибудь ложементе,^[2] под палаткой, на грязи или соломе, да играешь в карты с утра до вечера. Разве от скуки пойдешь посмотреть, как летают бомбы или каленые ядра. Сначала французы нас тешили вылазками, да скоро притихли. Ездить на фуражировку тоже надо-

---

¹ Лермонтов в «Казначейше».

ело; словом, тоска напала на нас такая, что хоть вой. Мне всего тогда пошел девятнадцатый год; малый был я здоровый, кровь с молоком, думал потешиться и насчет француза и насчет того... ну, понимаете... а вышло-то вот что. От нечего делать пустился я играть. Как-то раз, после страшного проигрыша, мне повезло, и к утру (мы играли ночью) я был в сильном выигрыше. Измученный, сонный, вышел я на свежий воздух и присел на гласис.^[3] Утро было прекрасное, тихое; длинные линии наших укреплений терялись в тумане; я загляделся, а потом и задремал сидя. Осторожный кашель разбудил меня; я открыл глаза и увидел перед собою жид лет сорока, в долгополом сером кафтане, башмаках и черной ермолке. Этот жид, по прозвищу Гиршель, то и дело таскался в наш лагерь, напрашивался в факторы,^[4] доставал нам вина, съестных припасов и прочих безделок; росту был он небольшого, худенький, рябой, рыжий, – беспрестанно моргал крошечными, тоже рыжими глазками, нос имел кривой и длинный и всё покашливал. Он начал вертеться передо мной и униженно кланяться.

– Ну, что тебе надобно? – спросил я его, наконец.

– А так-с, пришел узнать-с, что не могу ли их благородию чем-нибудь-с...

– Не нужен ты мне; ступай.

– Как прикажете-с, как угодно-с... Я думал, что, может быть-с, чем-нибудь-с...

– Ты мне надоел; ступай, говорят тебе.

– Извольте, извольте-с. А позвольте их благородие поздравить с выигрышем...

– А ты почему знаешь?

– Уж как мне не знать-с... Большой выигрыш... большой...! У! какой большой...

Гиршель растопырил пальцы и покачал головой.

– Да что толку, – сказал я с досадой, – на какой дьявол здесь и деньги?

– О! не говорите, ваше благородие; ай, ай, не говорите такое. Деньги – хорошая вещь; всегда нужны, всё можно за деньги достать, ваше благородие, всё! всё! Прикажите только фактору, он вам всё достанет, ваше благородие, всё! всё!

– Полно врать, жид.

– Ай! ай! – повторил Гиршель, встряхивая пейсиками. – Их благородие мне не верит... ай... ай... ай... – Жид закрыл глаза и медленно покачал головою на право и налево... – А я знаю, что господину офицеру угодно... знаю... уж я знаю!

Жид принял весьма плутовской вид...

– В самом деле?

Жид взглянул боязливо, потом нагнулся ко мне.

– Такая красавица, ваше благородие, такая!.. – Гиршель опять закрыл глаза и вытянул губы. – Ваше благородие, прикажите... увидите сами... что теперь я буду говорить, вы будете слушать... вы не будете верить... а лучше прикажите показать... вот как, вот что! Я молчал и глядел на жида.

– Ну, так хорошо; ну, вот хорошо; ну, вот я вам пока-

жу... – Тут Гиршель засмеялся и слегка потрепал меня по плечу, но тотчас же отскочил, как обожженный.

– А что ж, ваше благородие, задаточек?

– Да ты обманешь меня или покажешь мне какое-нибудь чучело.

– Ай, вай, что вы такое говорите? – проговорил жид с необыкновенным жаром и размахивая руками. – Как можно? Да вы... ваше благородие, прикажите тогда дать мне пятьсот... четыреста пятьдесят палок, – прибавил он поспешно... – Да вы прикажите...

В это время один из моих товарищей приподнял край палатки и назвал меня по имени. Я поспешно встал и бросил жиду червонец.

– Вечером, вечером, – пробормотал он мне вслед.

Признаюсь вам, господа, я дожидался вечера с некоторым нетерпением. В этот самый день французы сделали вылазку; наш полк ходил в атаку. Наступил вечер; мы все усьелись вокруг огня... солдаты заварили кашу. Пошли толки. Я лежал на бурке, пил чай и слушал рассказы товарищей. Мне предложили играть в карты, – я отказался. Я был в волнении. Понемногу офицеры разошлись по палаткам; огни стали гаснуть; солдаты также разбрелись или заснули тут же; всё затихло. Я не вставал. Денщик мой сидел на корточках перед огнем и, как говорится, «удил рыбу». Я прогнал его. Скоро весь лагерь утих. Прошла рунда.^[5] Сменили часовых. Я всё лежал и ждал чего-то. Звезды выступили. Настала ночь. Дол-

го глядел я на замиравшее пламя... последний огонек потух наконец. «Обманул меня проклятый жид», – подумал я с досадой и хотел было приподняться...

– Ваше благородие... – пролепетал над самым моим ухом трепетный голос.

Я оглянулся: Гиршель. Он был очень бледен, заикался и пришепётывал.

– Пожалуйста-с в вашу палатку-с.

Я встал и пошел за ним. Жид весь съежился и осторожно выступал по короткой сырой траве. Я заметил в стороне неподвижную, закутанную фигуру.

Жид махнул ей рукой – она подошла к нему. Он с ней пошептался, обратился ко мне, несколько раз кивнул головой, и мы все трое вошли в палатку. Смешно сказать: я задыхался.

– Вот, ваше благородие, – прошептал с усилием жид, – вот. Она немножко боится теперь, она боится; но я ей сказал, что господин офицер хороший человек, прекрасный... А ты не бойся, не бойся, – продолжал он, – не бойся...

Закутанная фигура не шевелилась. Я сам был в страшном смущении и не знал, что сказать. Гиршель тоже семенил на месте, как-то странно разводил руками...

– Однако, – сказал я ему, – выдь-ка ты вон...

Гиршель как будто нехотя повиновался.

Я подошел к закутанной фигуре и тихо снял с ее головы темный капюшон. В Данциге горело: при красноватом, поры-

вистом и слабым отблеске далекого пожара увидел я бледное лицо молодой жидовки. Ее красота меня поразила. Я стоял перед ней и смотрел на нее молча. Она не поднимала глаз. Легкий шорох заставил меня оглянуться. Гиршель осторожно высовывал голову из-под края палатки. Я с досадой махнул ему рукой... он скрылся.

– Как тебя зовут? – промолвил я наконец.

– Сара, – отвечала она, и в одно мгновение сверкнули во мраке белки ее больших и длинных глаз и маленькие, ровные, блестящие зубки.

Я схватил две кожаные подушки, бросил их на землю и попросил ее сесть. Она скинула свой плащ и села. На ней был короткий, спереди раскрытый казакин с серебряными круглыми резными пуговицами и широкими рукавами. Густая черная коса два раза обвивала ее небольшую головку; я сел подле нее и взял ее смуглую, тонкую руку. Она немного противилась, но как будто боялась глядеть на меня и неровно дышала. Я любовался ее восточным профилем – и робко пожимал ее дрожащие, холодные пальцы.

– Ты умеешь по-русски?

– Умею... немного.

– И любишь русских?

– Да, люблю.

– Стало быть, ты меня тоже любишь?

– И вас люблю.

Я хотел было обнять ее, но она проворно отодвинулась.

– Нет, нет, пожалуйста, господин, пожалуйста.

– Ну, так посмотри на меня по крайней мере.

Она остановила на мне свои черные, пронзительные глаза и тотчас же с улыбкой отвернулась и покраснела.

Я с жаром поцеловал ее руку. Она посмотрела на меня исподлобья и тихонько засмеялась.

– Чему ты?

Она закрыла лицо рукавом и засмеялась пуще прежнего.

Гиршель появился у входа палатки и погрозил ей. Она замолчала.

– Пошел вон! – прошептал я ему сквозь зубы. – Ты мне надоел.

Гиршель не выходил.

Я достал из чемодана горсть червонцев, сунул их ему в руку и вытолкнул его вон.

– Господин, дай и мне... – проговорила она.

Я ей кинул несколько червонцев на колени; она подхватила их проворно, как кошка.

– Ну, теперь я тебя поцелую.

– Нет, пожалуйста, пожалуйста, – пролепетала она испуганным и умоляющим голосом.

– Чего ж ты боишься?

– Боюсь.

– Да полно...

– Нет, пожалуйста.

Она робко посмотрела на меня, нагнула голову немножко

набок и сложила руки. Я оставил ее в покое.

– Если хочешь... вот, – сказала она после некоторого молчания и поднесла свою руку к моим губам.

Я не совсем охотно поцеловал ее. Сара опять рассмеялась.

Кровь меня душила. Я досадовал на себя и не знал, что делать. Однако, подумал я наконец, что я за дурак?

Я опять оборотился к ней.

– Сара, послушай, я влюблен в тебя.

– Я знаю.

– Знаешь? И не сердишься? И сама меня любишь?

Сара покачала головой.

– Нет, отвечай мне как следует.

– А покажите-ка себя, – сказала она.

Я нагнулся к ней. Сара положила руки ко мне на плечи, начала разглядывать мое лицо, хмурилась, улыбалась... Я не выдержал и проворно поцеловал ее в щеку. Она вскочила и в один прыжок очутилась у входа палатки.

– Ну, какая же ты дикарка!

Она молчала и не трогалась с места.

– Подойди же ко мне...

– Нет, господин, прощайте. До другого разу.

Гиршель опять выставил свою курчавую головку, сказал ей два слова; она нагнулась и ускользнула, как змея.

Я выбежал из палатки вслед за нею, но не увидел ни ее, ни Гиршеля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Дело было в тринадцатом году, под Данцигом. – В конце 1812 – начале 1813 г. генерал Рапп собрал в крепости Данциг остатки «великой армии» в количестве около сорока тысяч человек. В январе 1813 г. части армии Витгенштейна – казачий отряд под командованием Платова – подошли к Данцигу, но по недостатку сил ограничились лишь наблюдением за крепостью. Правильная осада города продолжалась с августа до конца декабря 1813 г., когда французы капитулировали (см.: Богданович М. И. История войны 1813 года за независимость Германии. СПб., 1863. Т. I, с. 367–368).

2.

Сидишь себе ~ в каком-нибудь ложементе... – По определению «Военно-энциклопедического лексикона» (изд. 2, 1852) «ложементы состоят из неглубокого рва и бруствера впереди»; они «служат для помещения стрелков, а иногда и орудий» во время осадных работ.

3.

...и присел на гласис. – «Гласис – треугольная призматическая насыпь земли впереди наружного края рва укреплений» («Военно-энциклопедический лексикон»).

4.

...напрашивался в факторы... – Фактор – комиссионер, исполнитель частных поручений.

5.

Прошла рунда. – Рунда (от франц. la ronde) – ночной дозор, объезд постов, выставленных для охраны расположения войска.